

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-134-139

В. НАБОКОВ О СВОЕМ СТАТУСЕ «АМЕРИКАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ 1950–1970-Х ГГ.)

© Карина Касымова

V. NABOKOV ABOUT HIS STATUS OF “AN AMERICAN WRITER” (BASED ON INTERVIEWS OF THE 1950S-1970S)

Karina Kasymova

V. Nabokov is known as one of the unique phenomena in 20th century world literary history not only because of the unconditional significance of his creative legacy, but also because everything he wrote belongs equally to the history of two national literatures, Russian and American. So, researchers' discussions about which of the national-literary paradigms V. Nabokov belongs to a greater extent are completely justified. As for our study, its aim is to analyze V. Nabokov's public statements concerning his personal perception of one of the sides of his creative self, namely the status of “an American writer”. The object of the study is V. Nabokov's interviews given by him to various publications from the 1950s to the 1970s. The study is based on V. Nabokov's interviews from the book “Nabokov about Nabokov and Other Things: Interviews, Reviews, Essays” compiled by N. Melnikov. The scientific novelty of the study lies in the fact that until now Nabokov's interviews have not been analyzed comprehensively for the presence of statements identifying him as “an American writer”. In the course of analyzing Nabokov's public statements about his “American writer” status, we concluded that this Nabokov's position was based on his pragmatic strategy of anticipating the audience's expectations, when he demonstrated accuracy in his identifying formulations and formal “nostalgia” for his estranged second homeland called the United States.

Keywords: V. Nabokov, interview, American writer, national-literary paradigm, public statements, identifying formulations

В. В. Набоков, как известно, представляет собой один из уникальных феноменов в истории мировой литературы XX века не только в силу безусловной значительности оставленного им творческого наследия, но и потому, что все им написанное в одинаковой степени принадлежит истории сразу двух национальных литератур – русской и американской. С учетом этого дискуссии исследователей, биографов и литературных критиков о том, какой из национально-литературных парадигм Набоков принадлежит в большей степени, более чем обоснованы. Что касается нашего исследования, то его целью стал анализ публичных высказываний В. Набокова, касающихся его личного восприятия одной из сторон собственного творческого «я», а именно – его многолетнего и бесспорного, казалось бы, статуса «американского писателя». Объектом исследования выступили интервью В. Набокова, данные им для различных западных изданий в период с конца 1950-х и до конца 1970-х гг. Материалом исследования послужили тексты интервью В. Набокова из книги «Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе», составленной Н. Г. Мельниковым. Научная новизна исследования заключается в том, что до настоящего времени интервью В. Набокова на предмет наличия в них высказываний, идентифицирующих его как «американского писателя», комплексно не анализировались. В ходе анализа публичных рассуждений В. Набокова о его статусе «американского писателя» был сделан вывод о том, что позиционирование Набоковым себя таковым во многом строилось на его прагматичной установке по предугадыванию ожиданий аудитории. В ходе реализации этой стратегии им последовательно демонстрировались аккуратность в идентифицирующих формулировках и формальная «ностальгия» по США, отдалившейся второй родине.

Ключевые слова: В. В. Набоков, интервью, американская литература, национально-литературная парадигма, публичные высказывания, идентификационные формулировки

Для цитирования: Касымова К. В. Набоков о своем статусе «американского писателя» (на материале интервью 1950–1970-х гг.) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 134–139. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-134-139

Фраза «я – американский писатель» не раз прозвучала в интервью В. В. Набокова. Если бы эту фразу произнес кто-нибудь другой, ее можно было бы счесть простой констатацией факта. Однако у Набокова подобная фраза не могла не вызывать некоторого внутреннего отторжения ввиду заложенной в ней «угрозы» его тщательно создаваемому образу абсолютного творческого индивидуалиста, которому претит мысль об ограничении себя рамками только одной национально-культурной системы. Значит, нужны были объективные причины, вынуждавшие Набокова все же причислять себя к сообществу американских писателей публично, – и подобные причины были. Первая из них состоит в том, что именно в Америке Набоков обрел статус знаменитого писателя. Америка, отвергшая однажды «бедняжку» «Лолиту», смогла «загладить» свою вину перед ней, дав ей первое место в списке бестселлеров, многотысячные тиражи и право на экранизацию. На волне ошеломительного успеха «Лолиты» имя ее создателя, как отмечает Н. Г. Мельников, стало «известным миллионм читателям» [1, с. 152]. Вторая же причина заключается в том, что приобретенный Набоковым в Америке статус автора романа-сенсации поспособствовал тому, что мировые издательства активизировали свою деятельность по приобретению прав на публикацию корпуса всех его прошлых и будущих произведений. Таким образом, Америка подарила писателю успех, финансовую независимость и творческую свободу – теперь Набоков мог оставить преподавание, зажить спокойно и респектабельно, отдаваясь писательству как акту творения, а не способу заработка. Вместе с тем полученные Набоковым слава и признание, по-видимому, накладывали на него своего рода негласные «обязательства», в результате которых ему нужно было продемонстрировать Америке свою признательность за успех в виде публичных признаний себя «американским писателем». И Набоков готов был оправдать возложенные на него ожидания, с гордостью называя себя «американским писателем» перед лицом своей потенциальной аудитории.

Однако необходимость «соответствовать» ожиданиям не могла не вступить в противоречие с одним из главных, по признанию самого Набокова, свойств его характера – врожденной страстью к независимости. Поэтому если Набоков все же решал признать себя «американским писателем», то делал это так, чтобы в конструкции

его «признаний» оставались небольшие смысловые «лазейки», оставляющие простор для интерпретационного маневра. Например, в интервью для журнала «Плейбой» (1963) Набоков, отвечая на вопрос о своей принадлежности к какой-нибудь нации, сначала вполне однозначно заявляет, что он – американский писатель, а затем сразу же напоминает о том, что родился он при этом в России, учился в Англии и жил в Германии, однако в 1940 г. приехал в Америку, чтобы «стать американским гражданином» [2, с. 136]. В данном случае Набоков аккуратно подменяет свой статус «американского писателя» своим же статусом «американского гражданина» – при этом за счет того, что заявление «Я – американский писатель» стоит в начале его высказывания, запоминается именно оно, смысловые же «нюансы» становятся не так заметны. В интервью для французского издания «Пари ревю» (1966) вновь происходит замена «писателя» на «гражданина»: Набоков признается: несмотря на то что он не слишком эмоционально причастен к «американской <...> литературе <...> в духовном плане», все же испытывает «беззаботную гордость», показывая «свой <...> американский паспорт на европейских границах» [Там же, с. 216]. В 1969 г. итальянский журналист Клаудио Горльер интересуется у Набокова, «подходит ли к нему этикетка „американский писатель“». На что получает «заимствование» с ответа О. Тоффлеру, данного несколькими годами ранее: да, говорит Набоков, «я горд тем, что считаюсь американским писателем» – ведь «после 1940-го я стал гражданином США» [3, с. 486]. В 1974 г., отвечая на вопрос Джералда Кларка из американского «Эсквайра» о том, считает ли он себя «по-прежнему американцем», Набоков, проведя в своем ответе некоторые расчеты, исходя из которых «дольше всего» он прожил именно в Америке, уверенно заявляет – да, он – американец [2, с. 387].

В случаях, когда ответ на вопрос журналиста не предусматривал подмену статуса «американского писателя» статусом «американского гражданина», Набоков старался формулировать его так, чтобы степень смысловой однозначности в нем была сведена к минимуму. К примеру, в 1966 г. Альфред Аппель в беседе с писателем замечает, что библиографы и журналисты нередко испытывают затруднения в вопросе о том, какой литературной системе господин Набоков принадлежит в большей степени – американской или

русской? И потому не мог бы мистер Набоков помочь разрешить их, дав свой однозначный ответ? На данную просьбу Набоков реагирует следующим образом: сейчас он считает себя американским писателем, при этом когда-то он был и русским писателем. Однако в целом, продолжает Набоков, стоит сказать, что чем *характернее* писатель, тем меньшее значение приобретает наличие на нем «этикетки» с указанием на его национальную принадлежность [Там же, с. 177–178]. В интервью Джорджу Плимptonу того же года Набоков с несколько лукавым сожалением сетует на то, что ему приходится *«быть отстраненным»*, ведь профессиональные американские критики никак не могут определиться, можно ли считать его частью общества современных писателей Америки [Там же, с. 227]. В 1968 г., давая интервью Николасу Гарнхэму из британского «Листенера», Набоков признается, что *«на самом деле»* он не принадлежит *«ни одному континенту»*. Он – *«курсирующий над Атлантикой челнок»*, далекий от любых классификаций [Там же, с. 239]. Впрочем, данное признание не помешает Набокову год спустя, отвечая на вопрос журналиста американского «Тайма» о том, считает ли он себя *«до сих пор в чем-то американцем»*, заявить, что он *«и есть американец»* и ему *«нравится быть американцем»* [Там же, с. 247].

Помимо слов про «американского» писателя и гражданина, на образ «своего» для Америки работала еще и ностальгия по ней, которую Набокову удалось весьма поэтично воспеть, проживая в Швейцарии. Необходимо отметить, что, когда в 1959 г. писатель отправлялся в небольшое турне по Европе, он, как указывает Брайан Бойд, предполагал, что оно продлится *«не более трех месяцев»* [4, с. 465]. Расставание с Америкой, оказавшееся в итоге окончательным, было, таким образом, не результатом сознательного плана, а стечением обстоятельств. Когда в 1940 г. Набоков, спасаясь от войны, покидал Европу, он надеялся обрести в Америке новую родину, место, в котором он смог бы дышать *«полной грудью»* [2, с. 84]. И постепенно ему, как он отметил в беседе с О. Тоффлером, удалось открыть для себя лучшие ее стороны, начать преподавательскую деятельность, продолжить – исследовательскую и литературоведческую, приобрести *«больше друзей, чем когда-либо имел в Европе»*, найти своих новых *«превосходных читателей»* [Там же, с. 136]. С учетом этого, Набоков вряд ли предполагал, что больше в Америку не вернется, за исключением нескольких коротких визитов. С другой стороны, по мнению Б. Бойда, после того, как писатель принял решение оставить долж-

ность преподавателя в Корнеле, а его единственный сын обосновался в Милане, Америка в целом уже не слишком держала его, а бабочек, горные склоны и библиотеки можно было найти и в Европе [4, с. 465, 482].

Необходимо сказать, что первое время Европа немного разочаровывала Набокова: в одном из писем своему другу Морису Бишопу он писал, что время не пощадило места, которые он знал, а те, что он видел впервые, не обещали *«воспоминаний, которые стоило бы хранить»* [4, с. 482]. В октябре 1961 г. Набоков, *«по причинам исключительно личного характера»*, решил временно – как тогда казалось – осесть в швейцарском Монтрё [4, с. 502], [2, с. 137]. Однако чем больше времени писатель там проводил, тем сильнее откладывалось его возвращение в Америку. В 1964 г. в разговоре с Джейн Хоуард Набоков признался, что решил извлечь пользу из своей разлуки с Америкой и развить в себе ту же плодотворную ностальгию по отношению к ней, которую он испытывал по России *«в первые <...> годы <...> экспатриации»* [Там же, с. 162]. В 1965 г. Набоков, рассуждая о некоторых промежуточных итогах своего жизненного пути, заметил, что первая его часть *«отмечена <...> хронологической опрятностью»*. Так, говорит писатель, первые двадцать лет своей жизни он провел в России, следующие двадцать – в Западной Европе, и еще двадцать лет после этого жил в Америке. И вот уже пять лет, как он вновь живет в Европе. Но он не обещает, что продержится *«еще пятнадцать во имя поддержания ритма»*, – возможно, как только ему удастся накопить достаточно энергии, он вернется в Америку *«на длительное время»* [Там же, с. 170]. В 1968 г., описывая Мартину Эслину свой распорядок дня, Набоков как бы промежду прочим сообщает, что собирается *«приблизительно через год»* отправиться в страну, ставшую ему *«второй родиной»*, – и тут же делает оговорку, замечая, что он *«слишком ленивый путешественник»* [Там же, с. 229]. В 1969 г. Марта Даффи интересуется у писателя, подумывает ли он по-прежнему о возвращении в Америку? Например, в Калифорнию, о которой он упоминал пару лет назад? Набоков отвечает утвердительно: да, он мечтает *«провести в Калифорнии <...> закат своей жизни»* [Там же, с. 247].

До определенного момента заверения Набокова в том, как ему недостает Америки, звучали убедительно – все-таки в США он провел двадцать лет и потому мог искренне привязаться к ее условным тропинкам в Скалистых горах. Так, когда в 1960 г. писатель получил приглашение в Голливуд для работы над киносценарием «Лили-

ты», он принял его не только потому, что нашел подходящее решение для этой «непростой задачи», но и «потому, что ужасно соскучился по Америке» [5, с. 243]. Находясь в Швейцарии, Набоков периодически задумывался о том, чтобы «навсегда поселиться в <...> Калифорнии» или, по крайней мере, проводить там «половину времени» [4, с. 484, 502]. Но постепенно жизнь в Швейцарии демонстрировала все больше достоинств вроде политического спокойствия, приятного климата и новых бабочек [4, с. 548], [2, с. 398]. Да, связь с Америкой не прерывалась – хотя бы потому, что, во-первых, по словам Набокова, он как честный американский гражданин, платил подоходный налог «в казну США с каждого заработанного [им] цента» [2, с. 247], а во-вторых, уделял время чтению книг «с претензией на сверхъестественность», которые американские издатели присылали ему в надежде на его благосклонный отклик [Там же, с. 110].

К концу 1960-х гг. Набоков, как отмечает Б. Бойд, окончательно решил для себя, что «плодотворное уединение в Швейцарии» предпочтительнее «рассеянной жизни в Америке» [4, с. 502]. Но американской аудитории знать о принятом им решении было необязательно – потому в беседах с журналистами писатель продолжал говорить о надеждах и планах на скорое возвращение в Америку или по крайней мере на ее посещение. Так, в интервью Клоду Жанно (1972) Набоков заметил, что хотел бы в следующем году «побаловать себя <...> порцией калифорнийского солнца». Причину же своего затянувшегося отсутствия объяснил тем, что «путешествие на корабле слишком продолжительно», а летать он ненавидит [2, с. 349–350]. Однако в 1973 г. встретиться с Калифорнией писателю не удалось. Поэтому в интервью для американского «Сатудэй ревью» (1974) на вопрос Джорджа Фейфера о том, что ему бы хотелось «сделать в ближайшие два года», Набоков, перечисляя желания вроде «поохотиться на бабочек» или «вернуться к теннису», называет также и желание «посетить некоторые пейзажи <...> Америки» [Там же, с. 382]. В 1975 г. писатель не оставил «надежды» вернуться в Соединенные Штаты, чтобы «задержаться там еще годков <...> на двадцать» [Там же, с. 398]. В интервью Роберту Робинсону в феврале 1977 г. Набоков вновь сообщил, что планирует вернуться в Америку «при первой возможности» [Там же, с. 418]. Как известно, этим «планам» не было суждено сбыться – в июле того же года Набокова не стало. Таким образом, за шестнадцать лет, проведенных в Швейцарии, в США Набоков побывал в итоге только дважды: первый визит был

связан с кинопремьерой «Лолиты» в июне 1962 г., второй – с презентацией его перевода «Евгения Онегина» в апреле 1964 г. [4, с. 555, 574].

Конечно, факт того, что планы Набокова посетить свою «вторую родину» или вернуться в нее насовсем так и остались на стадии планов, можно объяснить довольно просто: с течением времени писателю, по его словам, все труднее было заставить себя вылезти из «уютного шезлонга или кресла» даже ради поездки в находящуюся в сорока минутах езды от Монтрё Лозанну, не говоря уже о том, чтобы совершить гораздо более энергозатратное путешествие с пересечением Атлантики [4, с. 170]. В конце концов, статус Набокова как «американского писателя» едва ли зависел от его географического местоположения. Гораздо интереснее здесь то, как «американский писатель» Набоков на протяжении восемнадцати лет искусно имитировал как свою «тоску» по Америке, так и свою принадлежность к ее литературе в публичном пространстве, и «эмоциональнее» всего «тоска» и «принадлежность» проявлялись в интервью для крупных американских изданий, вроде «Тайма», «Плейбоя» или «Эсквайра»: Набоков в данном случае говорил ровно то, что ожидается услышать от писателя, прожившего в Америке двадцать лет и пишущего на английском языке. Своего рода подтверждением этой продуманной Набоковым игры в «имитацию» можно считать его высказывание из беседы с Олденом Уитменом (1969), в ходе которой Набоков замечает, что в его случае быть «американским писателем» означает только то, что он – «писатель, в течение четверти века имеющий американское гражданство». Более того, продолжает Набоков, это также означает только то, что «все [его] теперешние книги впервые публикуются в Америке» [2, с. 257]. Здесь стоит сказать, что, сделав это достаточно откровенное признание в том, что именно он подразумевает под своим статусом «американского писателя», Набоков тут же «смягчает» его своим же восхищением Америкой – единственной страной, в которой он «психологически и эмоционально» чувствует себя дома [Там же].

Таким образом, во всей «американской» публичной линии поведения Набокова чувствуется внутренний расчет, действие по принципу «вы – мне, а я – вам». На наш взгляд, подобная прагматичная установка вполне оправдана – до «Лолиты» Набокову приходилось больше отдавать, чем получать. Ему, уже состоявшемуся и сложившемуся автору, в Америке пришлось начать, по его собственному определению, новую спираль своей творческой жизни. И начать ее пришлось с

принесения «жертвы» в виде расставания с бесконечно богатым, послушным родным русским языком – ради «второсортного», по его же мнению, английского [Там же, с. 122]. Насколько «прощание» с родным языком было для Набокова драматичным, сказать трудно: в ходе публичной рефлексии писатель нередко вступал в противоречие с самим собой. К примеру, в интервью Филлис Мерас (1962) он признается, что ему совсем не важно, на каком языке писать, ведь «язык – лишь инструмент» [Там же, с. 106]. В телеинтервью же Р. Хьюзу (1965) «полный переход от русской прозы к английской» Набоков называет «чудовищно болезненным», сравнимым по ощущениям с мучительным поиском простейших приемов обращения «с предметами после потери семи или восьми пальцев во время взрыва» [Там же, с. 169]. Как бы то ни было, Набокову удалось совершить интеллектуально-психологическую перестройку самого себя, в результате которой его «серии романов на том и на другом языке» в конечном счете стали обладать, как отметил сам писатель в беседе с К. Жанно, «одинаковой художественной ценностью» [Там же, с. 349]. Америка же продолжительное время демонстрировала свое довольно прохладное к нему внимание – она не готова была считать его «своим», и ее не получалось в должной мере заинтересовать стилистической изысканностью и языковой изощренностью. Пришлось «тонкому художнику» Набокову воспользоваться «советами» г-на Щеголева и м-ра Гудмена и написать роман про соблазн «под особым углом зрения» [6, с. 170–171], [7, с. 72]. На этот раз пройти мимо Набокова у Америки не получилось – после четырех своих «нет» она смогла сказать «да» и сделать из «серьезной книги с серьезным замыслом» – именно так охарактеризовал ее сам Набоков в переписке со своим издателем Морисом Жиродиа – громкий «проект» с высокими рейтингами и многотысячными тиражами, а из ее автора – новую литературную звезду [8, с. 205]. «Шокирующая» «Лолита», нарушив «спокойствие» консервативной Америки, заставила разглядеть своего создателя. Вот только весь этот ошеломительный успех, к которому она его привела, не стал для него чем-то неожиданным – так, в одном из писем к сестре Елене Набоков заметил, что все это должно было «случиться тридцать лет тому назад» [9, с. 93].

Поэтому ждать от Набокова особенно теплых чувств к Америке вряд ли стоит. Так, несмотря на то, что в ходе публичной рефлексии Набоков не раз называл себя «американским писателем», рассматривать это как полноценное подтверждение его принадлежности к американской литера-

туре не стоит, так как в формулировке каждого его именованья себя таковым имеется изрядная доля интерпретационной неоднозначности. Также Набоков нередко выбирает стратегию по «переклещению» внимания журналистов с себя как «американского писателя» на себя как «американского гражданина», который, проживая в Швейцарии, испытывает щемящую «тоску» по Америке и не терпит домыслов о том, будто он смеется над своей второй родиной. Да, складывается ощущение, что из интервью в интервью Набоков демонстрирует способность «соответствовать» ожиданиям своей потенциальной аудитории, говоря ей то, что она желала бы услышать, то, что не смогло бы дать поводов упрекнуть его в «отчуждении» или «неблагодарности» по отношению к приютившей когда-то стране. Таким образом, Набоков публично воздаст Америке должное за свой успех «по-американски»: ровно настолько, чтобы, с одной стороны, не слишком покривить душой, с другой – не нарушить собственный внутренний «нейтралитет».

Список источников

1. Мельников Н. Г. «Лолита» – скандальный шедевр Владимира Набокова // О Набокове и прочем: статьи, рецензии, публикации / Н. Г. Мельников. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 75–87.
2. Набоков о Набокове и прочем: интервью, рецензии, эссе / Редактор-составитель Н. Г. Мельников. М.: Издательство Независимая Газета, 2002. 704 с.
3. Мельников Н. Г. Писатель и папарацци: итальянские интервью Владимира Набокова // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Вып. 2. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011. С. 479–492.
4. Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы. Биография / пер. с англ. СПб: Симпозиум, 2010. 950 с.
5. Набоков В. Лолита: сценарий / пер. с англ. А. Бабилова. СПб.: Азбука-классика, 2010. 256 с.
6. Набоков В. В. Избранные сочинения в 3 томах. Т. 2 / коммент. А. Кузнецова. М.: Мир книги, 2004. 528 с.
7. Набоков В. В. Американский период. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 1 / Пер. с англ. / Сост. С. Ильина, А. Кононова. Предисл. и коммент. А. Люксембурга. СПб.: Симпозиум, 2004. 608 с.
8. Nabokov V. Selected Letters. 1940-1977 / Ed. by D. Nabokov and M. J. Bruccoli. B.: Harvest Books, 1991. 624 p.
9. Набоков В. Переписка с сестрой [Е. Сикорская] / В. Набоков. Ann Arbor: Ardis, 1985. 125 с.

References

1. Mel'nikov, N. G. (2014). "Lolita" – skandal'nyi shedevr Vladimira Nabokova ["Lolita" – a Scandalous

Masterpiece by Vladimir Nabokov]. O Nabokove i prochem: stat'i, retsenzii, publikatsii. Pp. 75–87 Moscow. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

2. Nabokov o Nabokove i prochem: interv'yū, retsenzii, esse (2002) [Nabokov about Nabokov and Other Things: Interviews, Reviews, Essays]. Redaktor-sostavitel' N. G. Mel'nikov. 704 p. Moscow. Nezavisimaya gazeta. (In English)

3. Mel'nikov, N. G. (2011). *Pisatel' i paparatstsi: ital'yanskii interv'yū Vladimira Nabokova*. [V. Nabokov's Italian Interviews]. Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna. No. 2, pp. 479–492. Moscow. Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna. (In Italian)

4. Boyd, B. (2010). *Vladimir Nabokov: amerikanskii gody. Biografiya*. [Vladimir Nabokov: The American Years. A Biography]. Per. s angl. 950 p. St. Petersburg. Simpozium. (In Russian)

5. Nabokov, V. (2010). *Lolita: stsennarii*. [Lolita: A Screenplay]. Per. s angl. A. Babikova. 256 p. St. Petersburg. Azbuka-klassika. (In Russian)

6. Nabokov, V. V. (2004) *Izbrannye sochineniya v 3 tomakh. T. 2* [Selected Works: In 3 Volumes. Vol. 2]. Komment. A. Kuznetsova. 528 p. Moscow. Mir knigi. (In Russian)

7. Nabokov, V. V. (2004) *Amerikanskii period. Sbranie sochinenii v 5 tomakh. T. 1* [The American Period. Collected Works in 5 Volumes. Vol. 1]. Per. s angl. Sost. S. Il'ina, A. Kononova. Predisl. i komment. A. Lyuksemburga. 608 p. St. Petersburg. Simpozium. (In Russian)

8. Nabokov, V. (1991). *Selected Letters. 1940–1977*. Ed. by D. Nabokov and M. J. Bruccoli. 624 p. Boston. Harvest Books. (In English)

9. Nabokov, V. (1985) *Perepiska s sestroi (E. Sikorskaya)* [Correspondence with Sister (E. Sikorskaya)]. 125 p. Ann Arbor. Ardis. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2024
Поступила в редакцию 01.06.2024

Касымова Карина,
аспирант,
Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина,
620002, Россия, Екатеринбург,
Мира, 19.
kasymovak@list.ru

Kasymova Karina,
graduate student,
Ural Federal University named after the First
President of Russia B. N. Yeltsin,
19 Mira Str.,
Ekaterinburg, 620002, Russian Federation.
kasymovak@list.ru